

Пути конфессионализации в России XVI века: Стоглавый Собор между традицией и новациями

Елена Емченко

Поместный собор Русской православной церкви 1551 г., вошедший в историю как Стоглавый, является одним из самых масштабных соборов в её истории. Участники собора собрались в Москве в «царских палатах»: царь Иван Васильевич, митрополит Макарий, высшие иерархи церкви – новгородский архиепископ Феодосий, епископы, а также архимандриты и игумены монастырей, соборные старцы. На соборе присутствовали также светские представители власти: князья, бояре, «воины». Основным итоговым документом стал свод постановлений, впоследствии получивший название «Стоглав». Самоназвание свода постановлений собора читается в гл.1 Сказания главам – «Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинех», а также «соборное уложение». В источниках встречаются также названия «соборная книга», «новое уложение» и т.д. (Емченко 2000, 8-9).

В существующей обширной историографии, посвященной исследованию Стоглавого собора, сам собор и его постановления оценивались как крайне консервативное событие с ориентацией на прошлое.¹ Действительно, в традициях этого периода и не только в России, все должно быть «по старине». Однако в принятых собором постановлениях отразились

¹ Обзор историографии см.: монография Е. Емченко (2000, 13-54).

Elena Emchenko, Moscow State University, Russian Federation, emchenko@miigaik.ru, 0009-0000-8479-8053

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Елена Емченко, *Пути конфессионализации в России XVI века: Стоглавый Собор между традицией и новациями*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2.13, in Marcello Garzaniti, Ovanes Akopyan, Iris Karafillidis, Francesca Romoli (edited by), *In dialogo con l'Occidente: Rinascimento e renovatio nella Russia del Cinquecento / В диалоге с Западом: возрождение и религиозное обновление в России XVI века*, pp. 215-231, 2025, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0893-2, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2

довольно серьезные изменения, связанные с образованием единого Российского государства. В новых условиях создания молодого государства необходимо было провести обновление церкви, соответствующее новому статусу государства, поднять ее авторитет, избавиться от существующих в церкви и обществе этого периода пороков и недостатков, а также привести к единству богослужебные тексты, обряды, дисциплинарные нормы и правила и т.д. Программа Стоглавого собора стала частью мероприятий, проводившихся митрополитом Макарием и Избранной радой в кон. 40-х–50-х гг. XVI в.: активизация соборной деятельности церкви, развитие выборных органов местного самоуправления, принятие нового Судебника (1550), военная реформа, венчание на царство Иоанна IV и т.д. В этих реформах отразились два важных процесса, одинаковых для истории европейских государств: создание современных государств (*modern state*), зарождение которых происходит в Средневековье и которые получают развитие в Новое и Новейшее время (Кром 2018, 59), и процесс конфессионализации, связанный с формированием в том числе ранне-модерных наций в Европе (Доронин 2017).

Термин конфессионализации в историографии появился во II пол. XX в. для описания истории германского протестантизма в XVI–XVII вв.: для описания постепенного обособления конфессии в религиозной, культурной, социальной и государственной жизни. Со временем этот термин был применен для описания аналогичных процессов в католических странах. Он оказался гораздо более удобным, так как благодаря этому термину реформацию и так называемую контрреформацию стало возможным рассматривать как параллельные процессы. Наверное, можно сказать, что конфессионализация, ставшая причиной больших изменений не только в церковно-религиозной сфере, но и глубоко изменившая общество во всех его составляющих, как теория о развитии церкви, государства и общества в XVI–XVII вв. в европейских государствах, стала парадигмой в исследованиях раннего нового времени в истории европейских стран, в том числе православных. В 2018 г. вышел сборник статей, посвященных процессу конфессионализации в православных странах, в том числе и об этом процессе в России (Grigore, und Kühner-Wielach 2018).

А. Брюнинг назвал «конфессиональным веком» в России период от Стоглавого собора до издания *Духовного регламента*. Сравнив собор 1551 г. в Москве и Тридентский собор, исследователь приходит к выводу о параллельном историческом развитии. «Православие также умело реформироваться, обычно принимая во внимание схожие религиозные импульсы и прибегая к тем же механизмам управления кризисами, что и на Западе...» – заключает исследователь (Brüning 2018, 50–54, 74).

В статье *Была ли конфессионализация в Москве раннего Нового времени*, Я. Кусбер, говоря о применении парадигмы конфессионализации по отношению к России периода перехода от позднего средневековья к раннему Новому времени, обращается к трем темам: путь Русской православной церкви к автокефалии, церковный раскол середины XVII

века и его последствия (Kusber 2018, 190). Исследователь приходит к выводу, что «автокефалия способствовала развитию богословских учений и отдельной ее традиции», восходящей к митрополитам Ионе, Петру и Алексию в XIV в., а затем – к митрополиту Филиппу в XVI в., а также связана с активизацией соборной деятельности. Церковь, уже подчиненная государству, после патриарха Никона и во времена императора Петра I «внесла значительный вклад в конфессиональную и политическую стабилизацию» Российского государства «как внутреннюю, так и внешнюю» (Kusber 2018, 202-203).

В ходе выработки вероучения, установления внутрицерковного контроля над верующими, унификации ритуально- литургических практик и т.д. складывались новые институты: новые формы организации церковной жизни; органы контроля за жизнью верующих; институты, обеспечивавшие симбиоз церковных и светских форм управления и контроля и т.д. Обращаясь к Московской Руси, М. Дмитриев отмечает «кризис традиции», поиск путей конфессионального самоопределения и новых форм церковности уже во второй половине XV в. и последующее соперничество «нестяжательской» и «иосифлянкой» линий в выработке «истинно православных» идейных парадигм, институтов и политики; позднее – споры о «православии» третьей четверти и сер. XVII в. (Дмитриев 2012, 133-52). В первой половине XVI в. большую роль в процессе конфессионального самоопределения могли сыграть труды и деятельность Максима Грека, направленными на осмысление священного писания, монашеской жизни и вопросов монастырской собственности.²

На специфические черты процесса конфессионализации в России XVI в. обратила внимание Е. Белякова. Занимаясь изучением канонического права, исследовательница сделала очень важное замечание, что, как и в Европе, в России предпринимались усилия по систематизации канонического наследия, по оформлению символов конфессии, делались попытки создать новые институты для обучения религии и в этом процессе активное участие принимает Верховная власть (Белякова 2021, 19-20; Щапов 1994, 153-62). Поэтому, говоря о конфессионализации в XVI в. в России, необходимо отметить, что одним из основных событий является прежде всего соборная деятельность кон. 40–нач.50-х гг.: соборы 1547 и 1549 гг., на которых были прославлены «новые святые русские чудотворцы», собор 1554 – полемика об иконах (так называемое «Дело Висковатого») и, конечно, Стоглавый собор.

В историографии очень часто Стоглавый собор сравнивают с Тридентским (Голубинский 1900, 789; Вишпер 1944, 36-7; Чаев 1945, 17; Зимин 1958, 101-02 и др.). Они практически совпадают по времени, а также очень много общих тем было рассмотрено на этих соборах: церковное имуще-

² См. статьи М. Гардзанини (2021a, 161-170; 2021b, 133-152) и монографию П. Бушковича (Bushkovitch 1992, 10-31).

ство, церковная и светская власть, дисциплинарные правила, торговля должностями в церкви и т.д. Важным отличием было то, что Стоглавый собор не рассматривал догматические вопросы, возможно потому, что в Русской православной церкви по этому поводу не было дискуссии. Вместе с тем Стоглавый собор также можно рассматривать как часть процесса конфессионализации.

Как уже отмечалось выше, в соответствии с существовавшими в этот период представлениями, реформирование происходило с ориентацией на «старину»: «Да бл(а)г(о)с(ло)вился есми у вас тогда же Судебник исправи **по старинѣ** и утвердiti...» (Стоглав 2015, 53: л.28 об.). «Церковные нестроения» необходимо было «исправить» в соответствии с «преданием», под которым прежде всего подразумевается «предание святых апостолов и отцов», «священные правила», а также традиция, обычаи, правила «писанные и неписанные», «старина» и т.д.

В предисловии в первой главе основными источниками «соборных ответов» названы: «Священное писание», «предание святых апостол и святых отец», «священные правила», «божественный устав», а также «учение и наказание» митрополитов Киевских и всея Руси Петра и Фотия, игумена Волоколамского монастыря Иосифа, решения собора 1503 г. (Стоглав 2015, 37-8: л.8-8 об.). Далее царь обращается к собору с призывом утвердить «древняго предания хрестиянска истинныя нашея веры», которое засвидетельствовано Иисусом Христом, апостолами, святыми вселенскими и поместными соборами, а также всеми святыми, перечисленными в «царском написании» (Стоглав 2015, 42: л. 14-14 об.). Из общехристианских святых царь назвал Николая чудотворца, Константина и Елену, «благочестивых» православных царей и цариц. Затем названы имена «святых великих чудотворцев» «в нашей земли великия Росии в чудотворениих просиявших»: митрополиты Петр (ум. 1326), Алексий (ум. 1378) и Иона (ум. 1461), Леонтий Ростовский (ум. 1080-е гг.), Борис и Глеб (убиты в 1015 г.), Антоний и Феодосий Печерские (кон. XI в.), Сергей Радонежский (1321/1322-1391/1392); Варлаам Новгородский (ум. 1193), Кирилл Белозерский (ум. 1427), Никита Переяславский (кон. XII в.), Пафнутий Боровский (ум. 1477), Дмитрий Прилуцкий (ум. 1392) и

всѣх м(у)ч(е)н(и)къ, и пр(е)п(о)д(о)бных, и уродивыхъ Х(рист)а ради, и всякаго чину ц(а)рьска и княжьска, и боярьска, и всѣх православных хр(и)стианъ, иже добрыми дѣлы просиавших, и от Б(о)га прославленныхъ великими чудесы в б(о)годарованной намъ дрѣжавѣ от прародители нашихъ Росиискаго ц(а)рства великихъ новыхъ чудотворцовъ и всѣх с(вя)тыхъ, иже от вѣка Б(о)гу угодивших... (Stoglav 2015, 41-42: л. 13-14.).

В числе перечисленных святых новые русские чудотворцы, «прославленные» на церковных соборах 1547 и 1549 гг. в количестве, превы-

шающем число русских святых за весь предшествующий период.³ Также развивается идея святости страны – «б(о)годарованной намъ дръжавѣ от прародители нашихъ Росиискаг(о) ц(а)рства», «в нашей земли великия Росии».

Новым чудотворцам посвящены послание и речь царя к собору в гл. 4. Царь вспоминает, что «от многих временъ при прародителех наших» были преданы забвению «великия свѣтилники – новые чудотворци», прославленные чудесами. Когда ему было 17 лет он обратился к святителям «всего нашег(о) Росиискаг(о) ц(а)рства» во «всяких предѣлах» в городах, монастырях и пустынях собрать «гдѣ которыи чудотворец прославился великими чудеса и знамении от коликих временъ и в каковы лѣта». Когда царю исполнилось 19 лет, на соборе в Москве были представлены жития, «каноны», «чюдеса» и обретены «честные мощи» новых чудотворцев. «И тѣх великих новых чудотворцев м(о)л(и)твами начахом правити ц(а)рство свое...», заключает царь (*Стоглав* 2015, 51-52: 26-28).

Таким образом по Стоглаву благодаря русским святым «древнее предание» и «Слово спасительное Господа Иисуса Христа даже и донныне доиде» (*Стоглав* 2015, 42: л. 114 об.). Пространные рассуждения о новых русских чудотворцах во многом объясняют ориентацию «соборных ответов» не только на греческую традицию, но и на русскую. Русская традиция и сложившийся обычай являются не менее авторитетны, чем апостольские и отеческие правила.

Представляет особый интерес гл. 79, в которой содержится *Собрание от священных правил* Иосифа Волоцкого (ум. 1515). Оно было написано в защиту собора 1503 г., запретившего служить вдовым священникам. Так как это решение не подтверждалось ни одним из канонических правил, то оно вызвало протест многих священников, среди которых Георгий Скрипица из Ростова (Плигузов 1988, 662-69). В своем *Написании* он пишет о необходимости заботиться о том, чтобы «нашему государю», «священноначальникам», «нашей церкви и православной вере» не было поношения и укора от других стран, потому что «у них то же Писание и Правила святых отец», а «приложити к правилам святых отец, или уложити от правил, прокляту быти». Так, не по «Божию Писанию», по словам Скрипицы, поступают «в латинской вере», в которой «изобрели ересь» – быть всем священникам неженатыми.

Полемизируя с теми, кто обвиняет собор 1503 г. в том, что он поступил не по правилам вселенских соборов, Иосиф Волоцкий возражает, что многие святые отцы «от правил апостольских и отеческих оставиша, что есть на вред церкви и на соблажнение христианству». Затем в *Собрании* приводится 14 примеров, когда правило изменялось или отменялось последующим собором. Так, например, 57-е правило Лаоди-

³ См.: Голубинский 1900, 772; Мусин 2003, 146-65. А. Мусин предлагает характеризовать соборы 1547 и 1549 гг. как «литургические», а не как «канонизационные»..

кийского собора, запрещающее совершать литургию «во дворех» (в домовых церквах), было отменено 31-м правилом VI собора. Или, 85-е апостольское правило признает святыми Климентовы книги, а 2-е правило VI вселенского собора считает их вредными для церкви и т.д. Хотя, по мнению исследователя Стоглава, Д. Стефановича, Иосифом были допущены неточности и ошибки. По утверждению Иосифа «завет» 1-го правила VII вселенского собора относится лишь к догматическим постановлениям вселенских соборов, которые были приняты на каждом из семи соборов. Именно «к сим заповедем» «аще кто приложит или уложит – да будет проклят» (см. Голубинский 1900, 621-23; Стефанович 1909, 257-62; Плигузов 1985, 23-68). Гл. 79, таким образом, оправдывает те решения Стоглавого собора, как поместного, которые находятся в противоречии со «священными правилами».

Так, в Стоглаве на царский вопрос можно ли хоронить в мужских монастырях монахинь и мирян – женщин, собор дает ответ: «божественные правила» запрещают в мужских монастырях хоронить женщин, а мужчин в женских, однако «от обычая» не только в Российском царствии, но в Иерусалиме, Египте, в Царьграде и в «прочих странах» по свидетельству житий святых, «мнозии святии отцы в девичих монастырях погребашуся» (гл. 41, в.30). В доказательство собор приводит жития Филарета Милостивого и Ефросиньи Преподобной. Ряд других постановлений собора также обосновываются ссылками на жития: *Указ о звону и о церковном пении* (гл. 7) – ссылка на житие св. Фаласия. В гл. 31 *О крестном знаменнии* двоеперстие обосновывается ссылками на житие Мелетия Севастийского и Феодорита (Кирского епископа). В вопросе о трегубой аллилуйе авторы соборного решения подтверждают его ссылкой на житие Ефросина Псковского. Таким образом жития в глазах участников собора 1551 г. были достаточно авторитетными источниками церковного права, как свидетели традиции местных церквей.

В первых царских вопросах в вопр.36 (гл. 5, вопр. 36), написано, что «правила святых апостол и святых отец запрещают» в алтарь и в жертвенник вносить мирянам праздничную и поминальную трапезу. Однако царь ссылается на обычай Новгорода и Пскова, где для этой цели устроен кутейник. *Соборный ответ* распространяет повсеместно этот обычай Новгорода и Пскова (гл. 13).

Как неоднократно было отмечено в историографии, авторы Стоглава использовали памятники русского происхождения: Устав Владимира, две грамоты митрополита Киприана, поучение митрополита Петра, послания Фотия во Псков, решение собора 1503 г., в подтверждение которого приводится грамота Ивана III от 12 сентября 1503 г. и уже упомянутое *Собрание* Иосифа Волоцкого и т.д.

Авторы Стоглава обращаются к тем редакциям сборников канонических правил – к кормчим, в которых содержатся памятники местного

происхождения: к кормчей Русской редакции и к созданной незадолго до собора Сводной кормчей митрополита Даниила.⁴

Особое внимание в Стоглаве уделено роли «уставам» и «преданию» «благочестивых царей», в числе которых Иван Васильевич, а также «симфонии» (согласию) «священства и царства». В Стоглаве дважды цитируется предисловие к 6-й новелле императора Юстиниана (*Стоглав* 2015, 168-169: л. 166-166 об.; 206-207: л. 211-211 об.).

В ответе (гл. 46) на вопрос о размере вечных пошлин, объявляется, что ни в «божественном писании», ни в «священных правилах», ни в «царских заповедях» сведений, «поколику имати или не имати» нет. Поэтому необходимо следовать царским и княжеским законам:

земский обычаи – неписанны законъ. Якож(е) бл(а)гоч(е)стивии ц(а)ри и кн(я)зи внѣшними законы, по Бозѣ разсудив, уставяють, да держит-ся твердо, ничтож(е) претворяюще...

И того ради православному ц(а)рю о томъ подобаетъ указ учинити по преж(е) уложенному уставу росииских ц(а)рей: «С перваго браку алтынъ, а со втораго два алтына, а с трехженцовъ четыре алтыны» (*Стоглав* 2015, 139-40: л. 128 об.-129 об.).

В решениях собора об иконописании собор ссылается не только на древние образцы греческих живописцев, но и на Андрея Рублева. Писать иконы живописцам следует с древних образцов, как «греческие живописцы писали и какъ писал Андрѣи Рублев и прочии пресловущии живописцы» (*Стоглав* 2015, 113-14: л. 97).

Таким образом законодательная деятельность собора при широком использовании местной церковно-правовой традиции и современного законодательства, поддержанного авторитетом царя отражала процесс утверждения своей идентичности, должна была содействовать созданию, по определению Я. Щапова, единой «национальной» церкви (Щапов 1994, 153-62). Этот процесс является частью зарождения современных наций в Европе (Доронин 2018).

Деятельность Стоглавого собора является также частью процесса создания и формирования современного государства. На общее и особенное в формировании современного государства обратил внимание в своей книге *Рождение государства. Московская Русь XV-XVI вв.* М. Кром. При этом необходимо отметить, что термин «Московская Русь» в тексте Стоглава не встречается. По терминологии Стоглава это «российское царствие», «Россия», «великая Росия», а также «наша страна», «наше государство».

М. Кром сформулировал очень важные выводы, с которыми перекликаются наши наблюдения над текстом Стоглава. По словам М. Крома, «родовой чертой государств Нового времени» является «деперсонализация

⁴ О Сводной кормчей см. исследование: Карагодина 2017; Манохин 2018.

власти и формирование постоянных и безличных структур управления». В России XVI в. – это приказная система («изба», «палата») (Кром 2018, 121). Но бюрократизацией не исчерпывались перемены. «обнаружилась еще одна важная тенденция» – «расширение сферы публичной политики», расширялась идеология «земского общего дела» (Кром 2018, 234), под которым подразумевается выборные органы – старосты, целовальники соборная практика и др. (Кром 2018, 235).

XVI в. – это время создания представительных и разного рода выборных органов в управлении в стране и церкви.⁵ Этот процесс также находит свое отражение в тексте Стоглава, а именно, участие различных социальных групп населения в выборных органах, в том числе созданных в результате решений собора.

В Стоглаве находится один из самых известных ключевых текстов рассматриваемого периода – о примирении бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями» и об устройстве выборных органов самоуправления, что традиционно связывают с первым земским собором 1549 г.:

От(е)ць мои Макареи, митрополить всея Русии, и архиеп(и)с(ко)пы, и еп(и)с(ко)пы, и вес(ь) ос(вя)щеннии събор в пред(ъ)идущее лѣто бил есми вам челом и з бояры своими о своем съгрѣшении, а бояре тако же. И вы нас в наших винах бл(аго)с(ло)вили и простили, а яз по вашему прощению и бл(аго)с(ло)вению бояр своих в прежних во всѣх винах пожаловал и прости, да им же заповѣдал со всѣми кр(е)стияны ц(а)рствия своего в прежних во всяких дѣлах помиритися на срок. И бояре мои, всѣ приказные люди и корьмленщикики со всѣми землями помирилис(я) во всяких дѣлах.

Да бл(а)г(о)с(ло)вился есми у вас тогды же Судебник исправити по старинѣ и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дѣла непоколибимо во вѣки. И по вашему бл(аго)с(ло)вению и Судебник исправил, и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, судъ бы был праведен и беспосудно во всяких дѣлах. Да устроил по всѣм землям моего г(осу)д(а)рства старосты и целовал(ь)ники, и соцкие, и пятидесяцские по всѣмъ градом и по пригородом, и по волостем, и по погостом. И у дечи боярских и уставные грамоты подписалъ. Се Судебникъ пред вами и уставные грамоты (Стоглав 2015, 128: л. 28 об.-29).

В тексте Стоглава сообщается, что царь озаботился («зѣло въспалися утробою и с теплымъ желанием подвижеся») «не токмо о устройении земскомъ, но и о многоразличных ц(е)рковных исправлении» (Стоглав 2015, 39: л. 10 об.).

Являясь основным институтом представительной власти в церковном управлении, соборы собираются в конце 40-начале 50-х гг. практически

⁵ О представительных и выборных органах власти в России см.: Колесникова 2010, 253-64; Аракчеев 2014.

ежегодно, происходит активизация соборной деятельности: соборы 1547 и 1549 гг., собор 1554 – полемика об иконах («Дело Висковатого») и Стоглавый собор, участниками которого являются царь, митрополит Макарий, архиепископы и епископы, архимандриты и игумены монастырей, соборные старцы, а также светские представители власти – князья, бояре, воины.

Важным событием собора является появление новых выборных должностей в церкви, в частности – старост поповских и десятских священников, «искусных, добрых и житием непорочных» (гл. 6) (*Стоглав* 2015, 69-72: л. 47-50).

Термина «выбирать» в Стоглаве нет.⁶ Есть термин «избирать», который имеет два значения:

Назначать: святитель «избирает» – назначает: в попы 30 лѣтъ, а в дьяконы – 25 лѣтъ (*Стоглав* 2015, 92: л. 69-69 об.); дворецкие и дьяки должны «избирать» священников и диаконов к ружным ц(е)рквам (*Стоглав* 2015, 120: л. 104); святитель выбирает для себя бояр и дворецких из тех родов, из которых у него были раньше. Если будут бояре и дворецкие из других родов, то необходимо советоваться с царем, который сам «избралъ у собя и даль имъ, которымъ будет пригоже в томъ чину быти» (*Стоглав* 2015, 189-90: л. 188 об.-189).

Выбирать: поповских старост и десятских священников «искусных, добрых и житиемъ не порочных» (гл. 6); в приходских церквах прихожане избирают священников и дьяконов, и диаков, искусных и грамоте гораздых, и житием непорочных (*Стоглав* 2015, 119: л. 103 об.); по прошению братии, митрополит, архиепископ и епископы «избирают» архимандритов и игуменов и посылают их к царю (*Стоглав* 2015, 216: л. 224).

В соборных решениях (гл. 6, 34, 35, 67-69 и др.) подробно описывается процедура выборов поповских старост и десятских священников, их обязанности и порядок их деятельности в Москве. В Москве семь соборов, к каждому из которых «причтены» (приписаны) остальные храмы. По количеству соборов в Москве избирается семь поповских старост из «добрых священников». Сто священников («или как число вместит») избирает священника «разума духовного», знающего и любящего Священное писание («рачителя божественному Писанию») и добродетельного. Выбранный таким образом поповский староста избирает себе десятских священников «достойных и искусных» и непорочных от каждого храма. Избранные старосты должны предстать перед митрополитом, который их благословляет. В других городах старосты священники и десятские избираются «где сколько пригоже в которм городе». По селам, погостам и по волостем – только десятские священники».

Поповские старосты и священники должны осуществлять контроль за совершением службы и благочинием, поведением (чтобы не пьянствовали, не «глумились мирскими кощунами, не ходили в корчмы и на мирские

⁶ О терминологии Стоглава см.: Емченко 2020, 64-86.

праздники – «позорища», начнут пренебрегать своими обязанностями) священнослужителей. Старосты должны выявлять подобные нарушения – спрашивать, расследовать, узнавать у священников и «добрых людей». Затем докладывать своим святителям «о бесчинстве», и уже святители «духовне наказывают». Если же старосты и десятские священники будут покрывать бесчинных священников, то будут от святителей в наказании и в отлучении. В дни главных праздников староста вместе со святителем, владыкой или митрополитом совершают службу. Они обязаны проверять ставленные, отпускные и благословенные грамоты у приезжающих в Москву по различным делам архимандритов, игуменов, протопопов, «священноинок, священников и диаков», которые нанимаются служить к московским священникам. Сбор вечной пошлины во избежание злоупотреблений возлагался на поповских старост и десятских священников. Собранные ими деньги передавались в казну.

Кроме того, они участвовали в церковном суде. Главы о церковном суде (гл. 67-69) в Стоглаве являются наиболее оригинальными и самобытными, единственными в своем роде, т.к. впервые в истории русского церковного права в нем подробно описаны церковное судоустройство и процесс церковного судопроизводства (Емченко 2002, 103-16). Постановления Стоглава были направлены также на то, чтобы разграничить функции церковного и государственного суда («градский», «мирской»). Отменялись «несудимые грамоты»: теперь настоятелей монастырей должны были судить святители, а «чернцов и слуг монастырских» – настоятели монастырей, а ранее многих игуменов и архимандритов во всех делах, кроме церковных, судил великий князь (Каштанов 1988, 131). Причем на святительском суде по «духовным делам», который должен был проходить «соборне», «миряне» (в т.ч. святительские бояре) не имели права присутствовать. Затем «святитель» должен был отдать судный список митрополиту. Полностью в ведение мирского суда попадали дела об убийстве (о «душегубстве и разбое с поличным»).

Но разграничение мирского и церковного суда не было последовательным. Связь между ними во многом сохранялась. Так, попов, дьяконов, всех причетников и мирских людей в гражданских делах, а именно по рядным, духовным и кабальным грамотам, а также в ряде уголовных дел – случаях присвоения имущества, оставленного на сохранение, драках, грабежах (т.е. не по духовным делам) – по повелению святителей судят святительские бояре. У них в суде должны участвовать выборные старосты поповские и пятидесятские, десятские (по две-три недели), городские старосты и целовальники, а также земский дьяк, «которому царь прикажет». Старосты, целовальники и земской дьяк обязаны с судных дел сделать копии, подписанные дьяками (святительскими?) и хранить их у себя. Они же, а также священники, участвующие в суде, должны подписать судные списки, которые остаются у святительских бояр и списки, которые остаются у целовальников. Судные списки после суда должны храниться в ларце у дьяков «за боярскими печат(ь)ми по ц(а)р(е)ву Судебнику» (подьячим

их не передают) до тех пор, пока не будут представлены святителю, который, посоветовавшись с «ыскусными людьми» выносит окончательное решение и определяет величину пошлины по царскому Судебнику и Уставной грамоте с ответчика. В том случае, если истец или ответчик не согласится с содержанием судного списка, святитель обязан снова провести следствие со всеми участниками суда, после чего они должны вынести окончательное решение.

Таким образом ряд гражданских дел, а именно, связанных с договорами, завещаниями, а также грабежами, должен был рассматриваться святительскими боярами, и в суде у которых должны были находиться по две-три недели в том числе и те, кто занимал выборные должности: священники, поповские старосты, пятидесятские и десятские, а также «градские старосты и целовальники», «земской дьяк», «которым царь прикажет». Материалы следствия («срочные и обыскные списки») должны были писать земские дьяки, но в присутствии поповских старост и десятских священников. Т.е. устанавливался взаимный контроль мирского и церковного судов, в том числе над делопроизводством.

В случае, если святительские бояре и другие представители администрации (дворецкие и десятники) брали взятки, то «старосты», «священники» и «добрые люди», которые с ними «в суде сидят», должны были провести следствие, и провинившиеся отстранялись от должности.

Если же архимандриты, игумены, попы, дьяконы, церковные причетники, священноиноки, монахи и монахини будут судиться с мирскими, то их должен судить совместный суд, состоящий из мирских и святительских судей, десятских священников и земских старост («они просят у святителей за собою присадки»).

Стоглав настаивает на сохранении должности десятичника и его суда в городах «и по десятинам». А. Зимин ошибочно утверждает, что Стоглавый собор «ликвидировал институт владычных десятичников», т.к. отныне святительскую дань должны собирать и отдавать епископам и другим владыкам в церковных десятинах земские старосты и десятские священники (Зимин 1958, 97). Его устройство аналогично устройству суда святительских бояр. К компетенции суда десятичника относятся те же дела, что и вышеперечисленные дела суда святительских бояр: по рядным и кабальным грамотам, «и в боѣх, и в грабежах, опрочѣ д(у)х(о)вных дѣл», и та же категория населения: священники, дьяконы, «церковные причты» и «мирские люди». В суде десятичников должны присутствовать старосты-священники и десятские священники («по два – по три»), старосты земские и целовальники. Они обязаны с судных списков, ими подписанных и оставленных на хранение у десятичника, сделать копии, подписать их у десятичника, поставить печать и оставить на хранение у себя.

Священников, дьяконов и «церковные причты» давать на поруки можно только десятским священникам, а мирских людей – земским старостам и земским десятским. При этом от поруки запрещалось брать «поклонное» – подарок в качестве благодарности.

Документы, в которых указывался срок явки в суд и следственные дела должны оформлять земские дьяки в присутствии старост, десятских или церковного дьяка «крепости для и бжежения земскаго». Однако не совсем ясно, какие именно «старосты» и «десятские» имеются в виду: старосты-священники и десятские священники или земские старосты и земские десятские, а, может быть, те и другие.

Если десятинники будут затягивать дела, брать взятки и судить несправедливо, то старосты, целовальники и священники, которые входят в состав суда десятинников, должны пожаловаться земскому дьяку. Если десятинник проигнорирует их жалобу, они должны обратиться к святителю. Крайняя мера наказания нерадивого десятинника – письмо старост к царю. Наказание – «великая опала» от царя и святителя, отстранение от должности и штраф, в три раза превышающий сумму, присвоенную десятинником.

То же наказание за аналогичное преступление (взятка) ждет недельщика, боярина, дворецкого и дьяка. Если вина будет доказана старостами и священниками, сидящими с ним в суде, то по Судебнику он должен заплатить штраф, размер которого в три раза больше суммы самой взятки. Если его поймут на этом же преступлении в следующий раз, то он опять должен заплатить штраф и затем подвергнут ссылке. При этом дворецкий и боярин должны быть лишены соответственно дворничества и боярства и конфискованы их поместья, десятинник должен быть лишен десятины, дьяк – дьячества.

В том случае, если девушки, замужние женщины и вдовы, т.е. лица женского пола, обратятся с жалобой (видимо об изнасиловании) на представителей духовенства («священнический и иноческий чин») или на «мирских людей», то недельщикам разрешается отдавать обвиняемых на поруки «перед старостами и перед с(вя)щенники десяцкыми, и перед земскими десятцкыми». Затем недельщики должны их «ставить» перед боярами, а бояре должны сообщить святителю. «Священнический и иноческий чин» судят сами святители «соборне» или те, кому они поручают. Те же недельщики и тиуны, которые, договорившись с «блудницами и ябедники», берут взятки, обязаны по Судебнику без суда, хотя и с предварительным следствием и показаниями свидетелей, вернуть взятое в тройном размере. После чего они лишаются своих должностей (гл. 66-69).

Таким образом, постановления Стоглава, касающиеся судоустройства и судопроизводства, свидетельствуют об активном участии выборных поповских старост и десятских священников в церковном суде наряду с другими выборными – земскими старостами, целовальниками, сотскими, десятскими. Еще Н. Носов считал, что реорганизация системы судопроизводства и системы сбора налогов на соборе, в частности, передача функций сбора налогов местному населению в лице десятских священников и земских старост и целовальников способствовала повсеместному внедрению в местное управление земского сословного представительства. Хотя

поповские старосты и десятские священники представляют только приходское духовенство (Носов 1969, 76-82).

В Стоглаве прослеживается связь «причта» приходской церкви и общины («прихода»). Стоглавый собор не запрещает общине избирать своих кандидатов («ставленников») в священники и дьяконы, а также дьяков, пономарей и даже проскурниц. Осуждается лишь практика вымогательства общиной денег за избрание. В царском вопросе 14 (гл. 41 – «Вторые царские вопросы») сообщается о том, что в Новгороде «уличане» (приход церкви на одной из улиц) выбирают священников, дьяконов и других членов причта в зависимости от того, кто больше им заплатит, и с ним идут к святителю. Когда владыка присылал своего попа, то его прогоняли, если он не давал «уличанам» достаточную сумму денег. Собор постановил, чтобы «прихожане избирали священников и дьяконов искусных и грамоте гораздых», денег за это с них не брали, а затем шли к святителю, который их благословлял (Стоглав 2015, 119: л. 103-103 об.). Сохранились договоры, которые заключались между общиной приходской церкви и священником, в котором оговаривался срок службы священника и взаимные обязательства (Акты 1838, №184). В грамоте митрополита Киприана в Псков от 12 мая 1395 г., включенной в Стоглав, осуждаются случаи суда над священниками мирянами в «церковных вещах», в частности, осуждения псковичами овдовевших молодых попов, которые снова женились (Стоглав 2015, 174: л. 171 об.-172).

Такое положение приходских священников приводило к тому, что они часто переходили от одной церкви к другой. И, как об этом сообщает Стоглав, в Москве даже появилась пошлина «крестец» (Стоглав 2015, 190-191: л. 190-190 об.). Приехавшие в Москву «архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы» сходились в определенном месте («на крестец в торгу на Ильинской улице») и нанимались на месяц и более служить по московским церквям. Опять же Стоглав не осуждает практику найма священников («...да наймутся у московских священников»), но обязывает поповских старост проверять их полномочия («ставленные, отпускные и благословенные грамоты») (Стоглав 2015, 191-192).

Важно отметить, что «миряне» – «добрые люди» и «лутчие люди» наравне с поповскими старостами и священниками привлекаются к расследованию «духовных дел»: если священники участвовали в «мирских позорищах», ходили в «корчмы», «не радели о детях духовных» и т.п. (гл. 34); в упоминавшихся случаях взяточничества со стороны святительских бояр (гл. 69). Кроме того, при устройстве богаделен, контроль за деятельностью по их организации поручался священникам и «градцким добрым людям» (гл. 73). Собор принял постановление, по которому собранная святительская пошлина с попов запустевших церковей передавалась на восстановление церкви, а собирали бы ее «люди лутчие, которые к тем церквам прихожи». На них же возлагалась обязанность обеспечить церковь иконами, церковной утварью, книгами и т.п. (Стоглав 2015, с.192-193).

Таким образом, несмотря на то что многие постановления Стоглава были направлены на упорядочивание и разграничение различных «чинов», в обществе сохраняется тесная связь мирского и духовного. В этот период духовенство не является единым и замкнутым сословием по отношению к остальной – мирской части общества. Недаром понятие «духовенство» получило распространение в более позднее время (XVIII в.).⁷ В историографии существует две точки зрения на то, кем являются «Добрые (лутшие, лутчие) люди».

1. «Добрые люди» – это выборные представители местного населения из дворянства и верхушки тяглого населения города или крестьянского населения в суде (Судебник 1550 г.).

2. По другой версии – «представители населения не по выбору, а по своему положению в местном обществе». По Судебнику 1550 г. бесчестье «доброего человек» оценивалось в 5 руб. – т.е. приравнялось к бесчестью средних жителей города (торговые посадские люди). Для сравнения: крестьянин «пашенный и непашенный» – 1 руб., дети боярские городовые в зависимости от оклада – 3-5 руб., торговый гость – 50 руб. (Горский 1985, 26, 82, 107, 138 и др.).

В гл. 70. «лутчие люди» из прихожан собирают мелкие митрополичьи и «десятинничьи» пошлины, митрополичью дань и «заезд» (род подати) и на эти деньги сооружают церковь, запустевшие церкви снабжают иконами и книгами. А священники должны жить «о приходе и церковней земле».

В Стоглаве используется такой термин как «добрые свидетели»: «добрые свидетели» без суда производят розыск о продажности тиунов и недельщиков, которые организуют сговор с блудницами и с клеветниками, после чего следует наказание совершивших преступление (гл. 69).

Для наблюдения за порядком в богадельни вводились должности смотрителей из «здравыхъ строев и бабъ стряпчих», количество которых определялось в зависимости от числа призреваемых. Ранее это были приказчики, назначаемые епископом, которые продавали места в богадельнях «мало больным». Поэтому было решено на Стоглавом соборе, чтобы за ними смотрели «священники добрые да целовалником или градцкимъ людемъ добрым над ними смотрити, чтобы имъ насильства и обиды от стряпчих не было» (гл. 73).

Необходимо обратить внимание еще на один термин «соборные старцы», которые являются участниками собора 1551 г. По мнению Е. Романенко, «соборные старцы» – это орган соборного управления монастырем, и они сохраняли основной принцип церковной жизни – соборность (Романенко 2002, 102).

В царском вопросе царь критикует практику распоряжения монастырским имуществом со стороны архимандритов и игуменов без участия соборных старцев (*Стоглав* 2015, 57: л. 33 об.). Соборные старцы, наряду с

⁷ Чернышев 1954, стлб. 1183-184.

архимандритами игуменами и строителями, должны следить за соблюдением монастырских порядков, за монастырской казной, чтобы в монастыре не жили «молодые ребят голоусые», ели вместе со всей братией в общей трапезе, а не в келье, наказывать «безчинников». Архимандриты и игумены обязаны принимать новых вкладчиков по совету с соборными старцами. Вместе с настоятелями они обязаны расследовать, кто давал вотчины в монастырь, всех переписать в синодики монастырские с тем, чтобы по ним совершались панихиды и ставился «корм» и т.д. (гл. 49-50). Соборные старцы участвуют в суде архимандритов и игуменов, когда судят чернцов и слуг, кроме духовных дел (*Стоглав* 2015, 176: л. 174). Таким образом, архимандриты, игумены без соборных старцев и без келаря, и без казначея «ничѣмъ не властовалися». Также бы и соборные старцы и келари, и казначеи безъ архимандритов и без игуменов «ничто же не творили» (*Стоглав* 2015, 147-48: л. 139 об.-140).

Решения Стоглавого собора были направлены на рассмотрение в Троице-Сергиев монастырь к бывшему митрополиту Иасафу, Ростовскому архиепископу бывшему Алексею, и Чюдовскому бывшему архимандриту Васиану, и Троецкому бывшему игумену Ионе, и всем соборным старцам (гл. 99). Троицкий игумен Серапион и с «Осифовъскимъ соборнымъ старцом с Герасимомъ с Ленкевымъ», и со священником Благовещенского собора Селивестром ответ передали царю, митрополиту и всем собору (гл. 100).

Таким образом в условиях формирования раннемоделного государства, большую роль играют различного рода выборные и представительные органы власти, которые, с одной стороны, могут отражать традиции более раннего периода, с другой стороны, новые тенденции. При этом реформирование происходит под знаком обращения к «старине».

Утверждая «древнее предание христианской веры», основанное на Священном писании и священных правилах апостолов, святых отцов и вселенских соборов, нередко соборные решения обосновываются источниками русского происхождения – посланиями митрополитов «Киевских и всея Руси» Петра, Фотия, Киприана, игумена Волоколамского монастыря Иосифа и др., а также сложившимся обычаем и законами великих князей и царя. Тем самым соборные решения способствовали обособлению русской православной церкви в условиях развития раннемоделных наций, формированию национальной церкви и положили начало конфессионализации в России. Отличительной особенностью этого процесса являются прежде всего действия со стороны государства и церкви. Как широкое социокультурное явление этот процесс проявится в XVII и XVIII вв.

Список использованной литературы

- Акты. 1838. *Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства*. Санкт-Петербург: Издание Археографической Комиссии.
- Аракчеев, Владимир А. 2014. *Власть и «земля»*. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI–начала XVII века. Москва: Древлехранилище.
- Белякова, Елена В. 2021. “К вопросу о статусе епископата в Русской церкви XVI в.” *Российская история* 5: 19-31.
- Виппер, Роберт Ю. 1944. *Иван Грозный*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Гардзанити, Марчелло. 2021a. “«Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ» Максима Грека. Структура произведения и его цель.” *Древняя Русь LXXXIII*, 1: 161-70.
- Гардзанити, Марчелло. 2021b. “«Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ» Максима Грека. Понятие нестяжательства и его источники”. *Древняя Русь LXXXIII*, 2: 142-55.
- Горский, Александр Д., отв. ред. 1985. *Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*. Москва: Юридическая литература.
- Дмитриев, Михаил В. 2012. “«Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века?”. *Дрогобицкий краєзнавчий збірник* 16: 133-52.
- Доронин, Андрей. В., отв. сост. 2017. *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*. Москва: Политическая энциклопедия.
- Емченко, Елена Б. 2000. *Стоглав. Исследование и текст*. Москва: Индрик.
- Емченко, Елена Б. 2002. “Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г.” *Исторический вестник*: 31(16) (Специальный выпуск: *Церковный суд в истории России*).
- Емченко, Елена Б. 2020. “Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава.” В *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 1, 64-86 Москва: Московский государственный педагогический университет.
- Голубинский, Евгений Е. 1900. *История русской церкви*. Т. 2. (1-я пол. тома). *Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете*. Москва: Университетская типография.
- Зимин, Александр А. 1958. *Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.* Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Корогодина, Мария В. 2017 *Кормчие книги XIV–первой половины XVII века. В 2-х томах*. Т. 1. *Исследование*. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Каштанов, Сергей М. 1988. *Финансы средневековой Руси*. Москва: Наука.
- Колесникова, Елена А. 2010. “Место и роль выборного начала в процессах эволюции системы государственного управления России в XVI-XVII вв.” *Преподаватель XXI в.* 4: 253-64.
- Кром, Михаил М. 2018. *Рождение государства. Московская Русь XV-XVI вв.* Москва: Новое литературное обозрение.
- Лисейцев, Дмитрий В. 2009. *Приказная система Московского государства в эпоху Смуты*. Москва-Тула: Институт российской истории РАН, «Гриф и К°».

- Манохин, Александр А. 2018. *Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве*. Автореферат диссертации. Москва.
- Мусин, Александр Е. 2003. "Соборы митрополита Макария 1547-1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в." В *Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век, 146-65*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Доронин, А. В., сост. 2018. *Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*. Москва: Политическая энциклопедия.
- Носов, Николай Е. 1969. *Становление сословно-представительных учреждений в России*. Ленинград: Наука.
- Плигузов, Александр И. 1985. "Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 г." В *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*, 23-68. Москва: Издательство Института истории СССР.
- Плигузов, Александр И. сост. 1988. *Русский феодальный архив XIV-первой трети XVI века*. Т. 3. Москва: Институт истории СССР.
- Романенко Елена В. 2002. *Повседневная жизнь русского средневекового монастыря*. Москва: Молодая гвардия.
- Стефанович, Дмитрий Ф. 1909. *О Стоглаве: Его происхождение, редакции и состав: к истории памятников древнерусского церковного права*. Санкт-Петербург: тип. И.В. Леонтьева.
- Стоглав. 2015. *Стоглав. Текст. Словоуказатель*. Отв. ред.: Дж. Манискалько Базиле, А.В. Юрасов, подготовка текста Стоглава и авторская статья Елены Б. Емченко, сост. словоуказателя. К. Дидди, Дж. Манискалько Базиле, А.В. Духанина. Санкт-Петербург: Центр гражданских инициатив.
- Чернышев, Василий И., гл. ред. 1954. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 3. Г–Е. Москва-Ленинград: Изд. 1-я тип. Издательства Академии наук СССР в Ленинграде.
- Щапов, Ярослав Н. 1994. "Русский Номоканон. Сочетание общехристианских и местных церковно-канонических традиций." В *Diritto e Religione da Roma a Constantinopoli a Mosca. Da Roma alla Terza Roma. Documenti e Studi. Rendiconti dell'XI Seminario*, 153-62. Roma: Herder.
- Чаев, Николай С. 1945. "«Москва – Третий Рим» в политической практике Московского правительства XVI в." *Исторические записки* 17: 3-23.
- Brüning, Alfons. 2018. "Die Orthodoxie im konfessionellen Zeitalter: Von der kirchlichen Reform zur Konfessionalisierung – oder nicht?" В *Orthodoxa Confessio? Konfessionsbildung, Konfessionalisierung und ihre Folgen in der östlichen Christenheit Europas*. Herausgegeben von Mihai-D. Grigore und Florian Kühner-Wielach, 45-76. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht
- Bushkovitch, Paul. 1992. *Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Oxford: Oxford University Press.
- Grigore Mihai-D., und Florian Kühner-Wielach, hrsg. von. 2018. *Orthodoxa Confessio? Konfessionsbildung, Konfessionalisierung und ihre Folgen in der östlichen Christenheit Europas*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kusber Jan. 2018. "Gab es im Moskau der Frühen Neuzeit eine Konfessionalisierung?". В *Orthodoxa Confessio? Konfessionsbildung, Konfessionalisierung und ihre Folgen in der östlichen Christenheit Europas*. Herausgegeben von Mihai-D. Grigore und Florian Kühner-Wielach, 189-203. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.